

Глава 1117: Все касательно Чэнь Шэншэна*

Шан Синчжоу знал, что смотрел на свое собственное лицо.

Но он все еще находил его крайне незнакомым.

Потому что оно сильно отличалось от лица, которое он обычно видел в зеркале.

Никто не знал, каким человеком был Шан Синчжоу. Вероятно, только у Юйжэня была ясная картина.

Ни Старый Хозяин Танг, Инь, и даже Чэнь Чаншэн не имели ясного понимания.

Если описать это парой слов, они даже не были близки.

Шан Синчжоу не был близок к своему младшему брату, не был близок к своим старым друзьям, и даже не был близок к своим собственным ученикам.

Он не был близок ко всему миру, даже если, активно или пассивно, хотел продвинуть весь мир вперед.

Все говорили, что Черная Роба был самым загадочным индивидом мира, но в несколько последних столетий Шан Синчжоу был даже более загадочным.

Он был гораздо более терпеливым, чем Черная Роба, даже более неприметным, или, возможно, даже более нетребовательным.

Если он хотел, у него было всякое право вывесить свой портрет в Павильоне Линъянь, и у него, вероятно, был бы очень высокий ранг.

Но он решил остаться в темноте, не глядя на солнце и не говоря с другими.

В эти столетия он сыграл всевозможные роли, носил бесчисленные лица.

Возможно, по этой причине он часто смотрел в зеркало, так как только так он мог подтвердить, кем он был именно в этот день.

Постепенно он привык говорить с человеком в зеркале. Даже когда ему уже не требовалось разыгрывать какие-то другие роли, у него осталась эта привычка.

Он всегда держал при себе Зеркало Ясного Неба, пока в том году, когда по его просьбе Сюй Южун взяла его в Город Белого Императора, где оно было сокрушено в той битве.

Никто другой не был больше знаком с его лицом, чем он сам, и поэтому он находил его очень незнакомым сегодня.

Это было довольно изношенное лицо, без своей привычной привлекательности, из-за чего казалось довольно старым.

Более важно то, что его глаза не были такими же спокойными, как обычно.

Между этих поднятых бровей и глаз наигранного безразличия создавалось ощущение тирана. Он выглядел весьма нелепо.

Это было, как тот самый молодой принц, кричащий с искривленным лицом в Саду Сотни Трав.

В конце концов, его все еще изрешетили стрелами.

Да, когда Принц Чу умирал, у него тоже было довольно уродливое лицо, покрытое кровью.

Куда я направился после этого?

Это верно, я пошел в Имперский Дворец, передавая волю Его Величества Императору Тайцзу.

Тайцзу выглядел толстым и глупым, но он был невероятно ярким, иначе как бы он мог увидеть моё убийственное намерение?

Его Величество и правда был слишком милостив. Он должен был убить Ван Чжицэ в ту ночь. Зачем оставлять ему его жизнь?

Разве было бы невозможно победить демонов без него? Я и правда не вижу в этом смысла.

Чэнь Сюаньба был таким большим талантом, а Принц Чу был таким опытным стратегом, и разве Его Величество не решил уничтожить их? Зачем жалеть одного ученого?

Мысли Шан Синчжоу вышли из прошлого, а его взгляд издали пал на лицо Чэнь Чаншэна.

Лицо Чэнь Чаншэна тоже было в крови, но, по какой-то причине, казалось очень чистым.

И оно также было очень спокойным, без следов страха.

Шан Синчжоу был немного зол.

Слова Чэнь Чаншэна вызвали у него неприятные эмоции.

И он нашел невозможным принять искренность Чэнь Чаншэна.

Он спросил: «Ты правда не боишься смерти?»

Чэнь Чаншэн сказал: «Учитель, вы должны больше других знать, как я боюсь смерти».

Когда ему было десять лет, Шан Синчжоу сказал ему те слова, погрузив его в горе на очень долгое время.

Он провел много ночей под одеялом и плача.

Тем, кто хлопал его по спине и утешал его, был Юйжэнь.

Но Шан Синчжоу был в комнате через стену, так как он мог не знать?

«Но если слишком долго думать об этом, если слишком долго бояться этого, естественно, возникнет чувство онемения».

Чэнь Чаншэн добавил: «Сейчас, если вдуматься, я и правда должен поблагодарить Учителя за жизнь, которую вы для меня организовали».

Шан Синчжоу сказал: «В то время ты был уверен, что не проживешь больше двадцати, так что ты проводил каждый день, идя к смерти, чтобы выжить, так что для тебя, естественно, было легко превзойти смерть. Сейчас, однако, ты бросил вызов небесам и изменил судьбу, и теперь

можешь спокойно бродить по миру тысячу лет. У тебя даже есть высокий шанс увидеть Великое Освобождение. Так почему ты все еще не боишься?»

«Я тоже не знаю, правда ли я не боюсь, или это что-то еще. Вероятно, только действительно представ перед смертью, можно действительно понять, что человек чувствует».

Чэнь Чаншэн сказал: «Я помогу Учителю ясно увидеть это самому, а Учитель сможет помочь мне ясно увидеть это».

‘Ад - это другие люди’.

Смерть была ярким зеркалом.

Его можно было использовать, чтобы поправить одежду.

И его можно было использовать, чтобы ясно увидеть свое сердце.

.....

.....

Время медленно шло.

Клены все еще были неподвижными.

Шан Синчжоу все еще не совершил это.

«Отпусти».

Ван Чжицэ заговорил.

Так как он не желал делать деяние, он мог отпустить.

У ‘отпусти’ здесь было два смысла.

‘Отпусти руку с шеи Чэнь Чаншэна’.

‘Отпусти этот мир’.

Шан Синчжоу ничего не говорил, ничего не делал.

«Сэр думает, что отпустив таким образом, вы не получите достаточно лица?»

Танг Тридцать Шесть вдруг засмеялся, после чего хорошенько шлепнул себя по правой щеке.

Это был невероятно ясный и громкий шлепок.

Правая рука Танга Тридцать Шесть начала набухать.

Он посмотрел на Шан Синчжоу и очень искренне сказал: «Посмотрите, сэр, разве лицо имеет значение?»

Шан Синчжоу все еще ничего не говорил.

Некоторые люди думали, что действия Танга Тридцать Шесть были с целью встревожить разум

Шан Синчжоу, и были просто бездумными.

Чэнь Чаншэн так не думал, потому что он знал, что это была истинная проблема.

Как он и сказал, такой человек, как Шан Синчжоу, который всегда был прав, никогда не признает, что он проиграл.

Этот факт сделал его довольно уставшим, возможно, даже скучающим.

Он сказал Шан Синчжоу: «Почему Учитель не может научиться признавать поражение?»

«Я не проиграл, так почему я должен признавать, что проиграл? Не забывай, я всегда был победителем в прошлую тысячу лет».

Шан Синчжоу гордо сказал: «Даже если я однажды недооценил Тяньхай и допустил ошибку, я все еще выиграл в конце».

Чэнь Чаншэн через некоторое время спросил: «Если вы не желаете признать свое поражение, можете ли вы принять, что были неправы?»

Все затихло.

Все посмотрели на него.

«Если Учитель настаивает на неприятии поражения, можете ли вы принять, что были неправы?»

Чэнь Чаншэн искренне спросил Шан Синчжоу.

Казалось, что лицо Шан Синчжоу замерло.

«Три года назад в Ортодоксальной Академии в ту ночь шел снег. В то время я сказал Учителю, что между нами двумя вы - тот, кто не прав».

Чэнь Чаншэн сказал: «Так как вы неправы, почему вы не можете признать, что вы неправы?»

Если они не говорили о победе и поражении, они могли говорить и правильном и неправильном.

Кто был прав, а кто - нет.

Так как он не мог признать поражение, мог ли он признать, что не был прав?

Шан Синчжоу ничего не сказал.

Чэнь Чаншэн спросил его: «Учитель, неужели для вас так сложно просто признать, что вы неправы?»

Шан Синчжоу тихо смотрел на него, медленно ослабляя хватку.

Никто не двигался, потому что пара все еще была очень близко друг к другу. Они могли коснуться друг друга, просто вытянув руку.

Чэнь Чаншэн последовал еще несколькими словами.

«В Мавзолее Книг я сказал Учителю, что, возможно, в последнее мгновение вы осознаете то, чего действительно хотите. Сейчас и было последнее мгновение».

«Учитель спросил, почему я хотел организовать этот бой. Это и есть ответ. Я хотел дать Учителю взглянуть на себя. Возможно, это будет уродливое зрелище, но это будет правда».

«Вы не хотите убить меня. Вы никогда не хотели убивать меня, потому что знали, что ошибались».

«Начиная с двадцати лет назад, все, что Учитель делал насчет меня, было ошибкой».

* Шэншэн, 生生, вместо Чаншэн, 长生, - намеренное изменение автора. Шэншэн - жизненная энергия/жизнь, а Чаншэн - бессмертие/долголетие.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/351757>